

ШЕКСПИР НА МОСКОВСКОЙ СЦЕНЕ

Два спектакля английских артистов

КОРОЛЕВСКИЙ ШЕКС- ПИРОВСКИЙ ТЕАТР заканчивает свои гастроли в Москве. Он показал советскому зрителю «Короля Лира» и «Комедию ошибок». Есть нечто общее в трактовке этих спектаклей, несмотря на полную противоположность трагического пафоса «Короля Лира» и смелой буффонады «Комедии ошибок». И в том, и в другом случае режиссура театра идет до конца в раскрытии своего замысла, отказываясь от декоративной пышности и намеренной роскоши костюмов.

И Питер Брук — постановщик «Короля Лира», и Клиффорд Уильямс — постановщик «Комедии ошибок» более всего доверяют Шекспиру. Они бережно хранят шекспировское слово — оно звучит в спектаклях полнозвучно и значимо — актеры выполняют заветы, вложенные Шекспиром в уста Гамлета и обращенные к бродячим комедиантам. Оба режиссера возвращают Шекспира на почти обнаженную и свободную сцену, предоставляя широкое поле актеру, который должен взять на себя всю тяжесть спектакля.

Вряд ли можно вспомнить среди многочисленных знаковых нам сценических толкований «Короля Лира» спектакль более беспощадный и жестокий, чем поставленный Бруком. Ограниченная сероватыми полотнами сцена лишь изредка озаряется полным светом. В этой сумрачной атмосфере жестокого и безжалостного мира преступления совершаются просто и естественно, а зло-

действия становятся обыденными...

Ничто не рассеивает внимания зрителя. Режиссер не дает ему возможности чем-нибудь развлечься. Он сдержан, строг. Он старательно избегает широких массовых сцен и только звон мечей и нарастающие музыкальные аккорды передают буйство происходящей за кулисами неистовой битвы. Он пользуется предельной экономией выразительных средств. Опрокинутый круглый тяжелый стол, с которого летит серебряная и медная посуда, обнаруживает своеволие и буйство разгулявшейся свиты Лира; Лир, покоящийся в объятиях заботливого шута, поединок законченных в сталь Эдмонда и Эдгара — эти эпизоды вскрывают подтекст Шекспира изысканно простой точностью мизансцены.

РЕЖИССЕР не допускает никакой чувствительности — актеры не вызывают к зрителю о сочувствии и не вызывают у него слез; они не пугают и не нагнетают страха, живой ход логических раскрывающихся событий сам по себе рождает ужас. И оскрובительно ненужными кажутся подробности — корчи умирающих героев, ибо и без этих неожиданных и чуждых мастерству режиссера деталей в общем рисунке мизансцен ясна та жестокость мира, которую хочет показать театр.

Короля Лира играет Пол Скофилд, сохранивший и в этой роли привычную ему обаятельную и глубокую про-

стоту. Он создает неожиданный образ. Его интересует в первую очередь не вздорность и своеволие Лира. В этом сдержанном, полном достоинства, стройном старике неизменно и непоколебимо живет захватывшая и покорившая его мысль. Он глубоко убежден в своей давно выношенной правоте; уже в начале трагедии усталый от ответственного бремени власти Лир-Скофилд ищет для себя выхода в пределах им же созданного и им же поддерживаемого «страшного мира» — выхода в безоговорочной полной личной свободе.

Он раздражен на Корделию и Кента, возражающих против его замысла, не в силу своей вздорности, а потому, что они разрушают воображаемую им картину его счастливого будущего. Лир и в этой сцене философствует. Кент и Корделия возражают не только против него лично, а против — на его взгляд — доброго, умного и справедливого замысла. Лишь порой мелькает на его устах презрительная и злобная усмешка. Постепенно Лир Скофилда прозревает — и процесс мучительного нового понимания жизни и составляет главное содержание роли.

Порою игра Скофилда кажется слишком ровной — он бережно хранит в себе силу мысли Лира. Наибольшее напряжение в его исполнении получает не иступленная сила бури и не неистовый крик, когда он приносит мертвую Корделию, а сцена суда и встречи с Глостером.

Здесь полубезумию Лира открывается не только цена королевской власти и безудержной личной свободы, но и мера человеческой справедливости и беззакония.

Лир умирает не примиренным с жизнью, а усталым, разочарованным и отчужденным. Спектакль кончается так же сумрачно, как он начался: свита постепенно уносит со сцены тела скончавшихся Лира и Корделии, и возглас Эдгара, завершающий трагедию, звучит, как начало грудной борьбы за человечество, которую в ходе пьесы так крупно и сильно защищали твердый, мудрый Кент (артист Том Флеминг), стойкий и верный, серьезный шут (артист Аллен Мак Коуэн), и волеват не примиримая Корделия — Дайяна Ригг.

СВОИ ГАСТРОЛИ театр завершил «Комедией ошибок». Это была совсем новая интерпретация шекспировской комедии. Было трудно ожидать от медленного появления комедиантов в прологе на темном фоне того бурного буффонного представления, которое развернулось во втором действии. Только в тех улыбках, которыми обменивались в начале представления участники спектакля, сквозила скрытая и обещающая ирония. Весь спектакль пронизан типичным сдержанным английским юмором. Радостью народной игры и было наполнено представление «Комедии ошибок», в котором все алогичные, парадоксальные положения были доведены до предельной убедительности сценических выводов.

П. МАРКОВ.

Гравза, 1964, 8 апр.